

Валерий Сажин

НЕ ТОЛЬКО О ХАРМСЕ

(От Ивана Баркова
до Александра Кондратова)

Валерий Сажин

**Не только о Хармсе.
От Ивана Баркова до
Александра Кондратова**

«Издательство Ивана Лимбаха»

2023

УДК 821.161.1 «17/20» (091)

ББК 83.3 (2 = 411.2) 5 + 83.3 (2 = 411.2) 6

Сажин В. Н.

Не только о Хармсе. От Ивана Баркова до Александра Кондратова
/ В. Н. Сажин — «Издательство Ивана Лимбаха», 2023

ISBN 978-5-89059-521-8

Центральную часть сборника составляют статьи о творчестве Даниила Хармса: переключках с творчеством А. А. Блока, взаимоотношениях с поэтом Н. А. Клюевым, друзьями по ОБЭРИУ, обстоятельствах, приведших к аресту и смерти в тюремной больнице. Вместе с тем в книгу вошли статьи о писателях XVIII-XX веков: знаменитом поэте И. С. Баркове; попытке пропагандистского использования творчества А. С. Пушкина для воспрепятствования цензурной реформе 1860-х годов; о Н. С. Гумилеве и обстоятельствах, предшествовавших его гибели; о неизвестных сторонах творчества М. М. Зощенко; травле прозаика Л. И. Добычина, приведшей к его таинственному исчезновению в 1936 году; о странной судьбе публикаций и трактовках содержания редкого в творчестве детского писателя Б. С. Житкова его «взрослого» романа «Виктор Вавич»; о творчестве Б. Ш. Окуджавы, разносторонних талантах А. М. Кондратова — последнего советского футуриста и других. Работы В. Н. Сажина основаны преимущественно на многочисленных архивных источниках. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1 «17/20» (091)

ББК 83.3 (2 = 411.2) 5 + 83.3 (2 = 411.2) 6

ISBN 978-5-89059-521-8

© Сажин В. Н., 2023

© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

Содержание

Случайный	7
Указатель сокращенных наименований архивохранилищ	9
Злосчастная судьбина, или Вечный студент	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Сажин
Не только о Хармсе. От Ивана
Баркова до Александра Кондратова

В оформлении обложки использованы гравюра работы акад. К. Я. Афанасьева и фрагмент фото Д. Хармса 1929 года

© В. Н. Сажин, 2023
© Р. С. Васильев, оформление обложки, 2023
© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

Случайный (От автора)

В одном американском сериале героиня возмущается тем, что в Википедии неправильно указан университет, который она окончила, и темпераментно требует немедленно исправить ошибку.

Оказалось, грешит неточностями Википедия не только российская. Про меня в ней такая лапидарная справка: «Исследователь русской литературной эротики, хармсовед». Увы: это описание лишь малой толики моей посильной работы в течение нескольких десятилетий.

Одно давнишнее непредвиденное обстоятельство навсегда предрешило мой дальнейший исследовательский путь: в учреждении, куда в 1968 году в качестве выпускника (по тогдашним правилам – принудительно) я был распределен, предназначенное мне место оказалось занятым. Пришлось трудоустроиваться самостоятельно, а это было непросто. Свободное место (да и то – временное) оказалось в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вскоре это доставшееся мне по случаю место оказалось весьма долговременным.

С любопытством я принялся копаться в разнообразных каталогах и описях, доступных лишь служащим отдела (начальство, помнится, журило меня за излишний энтузиазм), наугад выписывать и листать «единицы хранения» (то, что в ведомственных архивах называют «делами»).

Обнаруживались примечательные находки, которые с легкостью неопита преобразовывались в изрядную россыпь мелких публикаций: автобиографическая заметка А. Белого; сведения о подлинном авторе статьи, до тех пор приписывавшейся Ф. М. Достоевскому; забавные письма К. И. Чуковского; суждения писателя и журналиста П. П. Свинына об А. С. Пушкине; воспоминания разных людей об А. А. Блоке; письма Н. Я. Мандельштам...

Содержательным фоном этого пестрого каскада публикаций была работа с архивом Литературного фонда. Тут находились разнообразные документы с его основания в 1859 году по 1870 год: прошения писателей и журналистов о пособиях, отчеты разных лиц о посещении просителей, чтоб удостовериться, насколько они нуждаются в помощи, суждения членов Комитета Литфонда о выдаче пособий или отказе в них и многое, многое другое. Более двух тысяч документов не были описаны, и потому лишь наудачу можно было отыскать нужные исследователям рукописные источники. Первое десятилетие моей профессиональной службы было посвящено подробной – полистной – росписи всех этих документов. Тут я среди прочего научился опознавать почерк, например Н. Г. Чернышевского или Н. А. Некрасова, и благодаря тому установил принадлежность каждому из них нескольких безымянных автографов. Эта кропотливая работа преобразовалась в каталог (в двух выпусках), серию статей, диссертацию.

Лишь по миновании первого двадцатилетия работы в поле моего исследовательского внимания оказались персоны Д. И. Хармса и затем И. С. Баркова. Этому предшествовали разные обстоятельства.

В конце 1970-х годов начальству было угодно выбрать меня для переговоров с Я. С. Друскиным о передаче на хранение в Отдел рукописей спасенного им архива Хармса. Я был погружен преимущественно в проблематику истории русской литературы и журналистики середины XIX века и потому совершенно не имел представления ни о творчестве Хармса, ни тем более о масштабе личности Друскина – выдающегося оригинального философа, как я понял лишь несколько лет спустя. Этот случай рядового производственного поручения сказался в моей последующей работе. Через несколько лет ослабли цензурные вожжи (в августе 1990 года вовсе были отброшены) и появилась возможность публикаций неизвестного до тех пор литератур-

ного наследия Хармса. Тогда я и попал в «хармсоведы»: началось с мелких публикаций и дошло до собраний сочинений.

Иначе с Барковым («русской литературной эротике» – по классификации Википедии).

На полках, висевших в кабинете заведующего отделом, в числе прочего располагались перенесенные сюда для укромного хранения рукописные тома «Девичьей игрушки» Баркова и разная другая «эротика». Мечталось, что когда-нибудь я почитаю барковские сочинения: надеялся отыскать их следы в поэзии Пушкина. Случай представился лишь в начале 1990-х и оказался разочаровывающим: Пушкин хоть Баркова и читал, но, как видно, вдохновения из его произведений не извлек. Продуктивным следствием моего знакомства с произведениями Баркова оказались подготовка одного емкого собрания его сочинений и лишь несколько мелких публикаций.

Тем временем своим чередом шли исследования и публикации работ о Достоевском, Некрасове, Н. Г. Помяловском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Ф. И. Тютчеве, Н. С. Лескове, Блоке, О. Э. Мандельштаме, Л. И. Добычине...

Оглянувшись, приходится сказать, что специализация в «русской литературной эротике» и «хармсоведении» на протяженном рабочем пути – лишь небольшой эпизод, «случай».

Но главная случайность состоит в том, что

«Эх! Написал бы еще, да чернильница куда-то вдруг исчезла» (© Д. И. Хармс).

Входящие в сборник работы публикуются с необходимыми исправлениями первоначальных публикаций и некоторыми библиографическими дополнениями.

Указатель сокращенных наименований архивохранилищ

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РИИИ – Российский институт истории искусств

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-партийных документов

Злосчастная судьбина, или Вечный студент

1

В 1768 году – в год смерти И. С. Баркова – в лейпцигском издании «*Neue Bibliographie*» имя писателя впервые появилось в печати в ряду биографических справок о других тогдашних российских авторах. Под номером 22 значилось: «Иван Барков, переводчик при Академии Наук в Петербурге, довольно хорошо перевел в стихах сатиры Горация и басни Езопа. Его галантные стихотворения обличают веселую и бодрую голову, особенно в шуточном роде, в котором он издал множество стихотворений. Жаль только, что местами они оскорбляют чувство приличия»^[1].

Забавными и шутивными примерно в те же годы назвал произведения Баркова М. М. Херасков: «Язык наш равно удобен для слога важного, возвышенного, нежного, забавного и шутового. Покойный г. Барков наипаче в сем последнем роде отличался»^[2].

Следом, впервые на русском языке, появляется развернутая характеристика творчества Баркова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова: «Барков Иван был переводчиком при Императорской Академии Наук; умер 1768 году в Санктпетербурге. Сей был человек острый и отважный, искусный совершенно в Латинском и Российском языке, и несколько в Италиянском. Он перевел в стихи *Горациевы Сатиры*, *Федровы басни* с Латинского, драмму *Мир Героев* и другия некоторыя с Италиянского, кои все напечатаны в Санктпетербурге в разных годах, а Сатиры с критическими его на оныя примечаниями; также писал много сатирических сочинений, переворотов, и множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и безпечность много способствовали. Все сии стихотворения не напечатаны, но у многих хранятся рукописными. Он сочинил также *Краткую Российскую Историю* от Рюрика до времен Петра Великого; но она не напечатана; также сочинил он описание жизни Князя Антиоха Кантемира, и на сатиры его примечания. Вообще, слог его чист и приятен, а стихотворныя и прозаическия сатирическия сочинения весьма много похваляются за остроу»^[3].

Можно сказать, что недавно умерший писатель оставил по себе у современников добрую память: отдавая дань его «серьезным» трудам, они вспоминают об иных сочинениях Баркова как о талантливых веселых шутках^[4].

Но уже двумя десятилетиями позже в печати встретится и компрометирующая Баркова (хоть и не названного впрямую) характеристика его личности. В издании «Переписка моды» за 1791 год в сатирическом описании содержимого комода щеголя среди французских любовных романов фигурирует: «4. Собрание любовных стихов, песен и трагедии покойного *Виноглода* или г. Б.....»^[5].

В девятнадцатом веке Баркова станет принято главным образом порицать.

Авторитетный Н. М. Карамзин в 1800–1802 годах скажет о нем, что Барков «более прославился собственными замысловатыми и шуточными стихотворениями, которые хотя и никогда не были напечатаны, но редкому неизвестны. Он есть русский Скаррон^[6] и любил одни карикатуры. Рассказывают, что на вопрос Сумарокова: „Кто лучший поэт в России?“ *студент* Барков имел смелость отвечать ему: „Первый – Ломоносов, а второй – я“. У всякого свой талант: Барков родился, конечно, с дарованием; но должно заметить, что сей род остроумия не ведет к той славе, которая бывает целию и наградою истинного поэта»^[7].

Поэт и педагог А. А. Палицын в стихотворном «Послании к Привете, или Воспоминании о некоторых русских писателях моего времени» (1807), обращенном к своей воспитаннице Е. Алферовой, не мог обойти вниманием Баркова, но дал и его переводческим и иным трудам уничижительную характеристику:

Дары природы чтя, нельзя забыть *Баркова*,
Хотя он их презрел:
Он нам Горация и Федра перевел.
Но, так же говоришь ты, плохо их одел,
Как жаль, что он не шел
За ними к Геликону,
А пресмыкался в след Скаррону! ^[8]
Его бы лирной глас
Мог славить наш Парнас ^[9].

Вспомнил почти тогда же о Баркове и К. Н. Батюшков в «Видении на брегах Леты» (1809): среди Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Княжнина и многих других писателей XVIII века, пребывающих в «Элизии священном», нашел себе место

И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков! ^[10]

Около 1812 года историк Е. А. Болховитинов (будущий митрополит Евгений) составлял «Словарь русских светских писателей» и сообщил о Баркове среди прочего следующее: «Известнее же всего весьма многия Бакханальныя и Эротико-приапейския его стихотворения, а также многие срамные пародии на трагедии Сумарокова и другие, которые все составляют в рукописях несколько томов» ^[11]. С легкой руки автора Словаря это определение – бакханальные и эротико-приапейские стихотворения – закрепится за произведениями Баркова и перейдет в заголовок составлявшихся с середины века многочисленных «собраний сочинений» Баркова и его последователей.

С 1813 года и, можно сказать, до конца жизни имя Баркова не сходило с уст Пушкина: оно то и дело возникает в его стихотворениях, переписке, записных книжках, устных беседах.

А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему». —
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму...

(Монах. 1813) ^[12]

Таким же *марателем* предстает Барков у Пушкина в написанном следом (1814–1815) «Городке»:

Но назову ль детину,

Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик – Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать ^[13].

В стихотворном «Послании цензору» (1822) Барков стал одним из аргументов Пушкина в рассуждениях о безусловной непререкаемости роли цензуры в литературе:

И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шуточных од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал...
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали ^[14].

Показательно, что в черновом тексте остался вариант начальных стихов, содержавших, на примере сочинений Баркова, иную пушкинскую оценку роли цензуры:

Потребности Ума не всюду таковы
Сегодня разреши свободу нам тисненья
Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья ^[15].

Очевидная снижающая оценка Пушкиным достоинств сочинений Баркова, как уже отмечалось, входит в противоречие с версией создания им в обозначенном хронологическом пространстве поэмы «Тень Баркова», в которой Барков выступает едва ли не в роли одного из тех Героев, которым он сам посвящал свои «срамные» произведения («марал простенки кабаков», по словам Пушкина). Богатейшая аргументация авторитетных ученых прежних и нынешних времен в новейшем фундаментальном труде венчается реконструкцией сохранившейся в нескольких списках анонимной поэмы, и эта реконструкция сопровождается, в конце концов, едва ли не пародийным резюме: «Без риска ошибиться можно утверждать, что текста, публикуемого ниже, среди рукописей Пушкина не было никогда – но каждая его строка могла быть написана Пушкиным именно так, а не иначе» ^[16]. Это чуть ли не парафраз рассуждений ниги-

листа Базарова в диалоге с Аркадием Кирсановым в «Отцах и детях» Тургенева: «...„Природа навеивает молчание сна“, – сказал Пушкин.

– Никогда он ничего подобного не сказал, – промолвил Аркадий.

– Ну, не сказал, так мог и должен был сказать, в качестве поэта...» [17]

Барков, особому месту которого в литературе Пушкин отдавал дань, скорее, раздражал Пушкина. 10 июля 1826 года он писал П. А. Вяземскому: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» [18]. О том же писал Пушкин в автобиографическом «Отрывке» («Несмотря на великие преимущества...»; вставки с упоминанием Баркова в текст 1830 года датируются 1832 годом): «Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: Эпитафия попу покойного Курганова, четверостишие о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коль хочешь быть в аду, женись, стихи на брак достойные пера Ив<ана> Сем<еновича> Баркова, начитавшегося Ламартина. Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б<аркова>, укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэт<ическому> досто<инству> и остроте» [19].

Несколько анекдотов о Баркове Пушкин занес в «Table-talk» 1835–1836 годов:

«<IX>. Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застаёт уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и —» [20].

«<XXI>. Когда наступали торжественные дни, Кострова <в автографе характерная описка: Баркова. – В. С.> искали по всему городу для сочинения стихов, и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе» [21].

«<XLVII>. Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков прише<л> однажды к С<умарокову>. „Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец!“ – сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: „Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только что третий“. Сумароков чуть его не зарезал» [22].

Наконец, опять в связи с Барковым, с рассуждением о том, во что может воплотиться отмена цензуры (а такая вероятность одновременно, по-видимому, и привлекала и настораживала Пушкина), через четырнадцать лет после «Послания цензору» встречаемся в переданном мемуаристом разговоре Пушкина с сыном П. А. Вяземского П. П. Вяземским: «В 1836 году, по возвращении моем осенью с морских купаний на острове Нордерней, я как-то раз ехал с Каменного острова в коляске с А. С. Пушкиным. На Троицком мосту мы встретились с одним мне неизвестным господином, с которым Пушкин дружески раскланялся. Я спросил имя господина.

– Барков, ex-diplomat, habitué Воронцовых, – отвечал Пушкин и, заметив, что имя это мне вовсе не известно, с видимым удивлением сказал мне:

– Вы не знаете стихов однофамильца Баркова, вы не знаете знаменитого четверостишия ... (обращенного к Савоське) и собираетесь вступить в университет? Это курьезно. Барков – это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. В прошлом году я говорил государю на бале, что царствование его будет ознаменовано свободой печати, что я в этом не сомневаюсь. Император рассме-

ялся и отвечал, что он моего убеждения не разделяет. Для меня сомнения нет, – продолжал Пушкин, – но также нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова»^[23]. Нельзя не заметить шутивно-ироничного тона Пушкина: как в разговоре с императором по поводу его исторической миссии в отмене цензуры, так и в рассуждении о символе этой отмены – немедленной публикации сочинений Баркова.

Очевидная настороженность Пушкина в отношении к творчеству Баркова дала основание П. Е. Щеголеву утверждать, что «Пушкин не стал учеником Баркова: помимо его собственного отказа от подражаний Баркову, можно сослаться на то, что барковщины, как сквернословной струи, вообще в произведениях Пушкина нет»^[24].

Ни доброго, ни бранного слова о «шутивных» или «галантных» произведениях Баркова не сказал в своей истории русской литературы Н. И. Греч (заметил только, что тот был «весьма плохой знаток истории»)^[25], зато нового напарника по его «срамной» музе впервые назвал в печати историк Д. Н. Бантыш-Каменский: «Барков Иван Семенович, Переводчик при Императорской Академии Наук, не столько известен сочиненным им *Описанием жизни Князя Антиоха Кантемира с примечаниями на его Сатиры* и переводами Горациевых Сатир (СПб., 1763) и Басней Федровых (СПб., 1764) – как стихотворениями, вредными для ума и сердца, противными нравственности. Он может равняться с Пирроном^[26], которого, благодаря Просвещению, печатают в чужих краях; между тем, как у нас в России, *еще необразованной*, хранят под замками рукописи Баркова и то одни охотники подобного чтения!»^[27] Такими же «противными нравственности» в эту пору явились и юнкерские поэмы Лермонтова, которые, по словам П. А. Висковатова, заслужили ему известность «нового Баркова»^[28]. В конце 1830-х – начале 1840-х годов за Барковым установилась слава поэта «для лакеев и подьячих»^[29].

Через несколько лет Барков войдет в моду у самых образованных людей и его не только станут интенсивно читать, упоминать, пытаться издавать, но и подражать ему.

«В Петербурге процветала, – вспоминал о начале 1850-х годов Е. М. Феоктистов, – обширная литература, которая своим содержанием могла возбудить зависть в Баркове; Дружинин, Владимир Милютин, Григорович, Некрасов, Лонгинов и др. трудились и порознь и сообща над сочинением целых поэм одна другой грязнее; даже заглавие этих произведений никто не решится упомянуть в печати, – много было в них остроумного, но вместе с тем грубейшее кощунство и цинизм, превышающий всякую меру»^[30]. Свои впечатления о той же компании записал в дневник 14 декабря 1852 года профессор А. В. Никитенко: «Обедал у Панаева и не скажу, чтобы остался доволен проведенным там временем. Там были: Лонгинов, автор замечательных по форме, но отвратительных по цинизму стихотворений, Дружинин, Некрасов, Гаевский Виктор Павлович и т. д. После обеда завели самые скромные разговоры и читали некоторые из „Парголовских элегий“ во вкусе Баркова. Авторы их превзошли самих себя по цинизму образов в прекрасных стихах. Вот где теперь надо искать русскую поэзию!»^[31] Действительно, это был круг самых знаменитых русских писателей и известных университетских профессоров, для которых сочинения Баркова стали образцом их собственных «фривольных» поэтических упражнений^[32].

Суровый Герцен, чутко следивший из-за границы за перипетиями предреформенной ситуации в России и развитием в ней гласности в начале 1860-х годов, то и дело припечатывал противников сравнением с Барковым, которого к тому времени, как видно, проштудировал. 1 сентября 1857 года в «Колоколе», характеризуя статью профессора Н. И. Крылова, Герцен писал: «Нет, этим языком у нас русская литература не говорила никогда; это Барков – верно-подданнической поэзии, это de Sade – раболепия»^[33]. В 1858 году в предисловии к изданию сочинений М. М. Щербатова и А. Н. Радищева, характеризуя екатерининские времена, Гер-

цен писал: «Между „фонариком“ и Эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова»^[34]. Почти как Пушкин (также иронизируя) Герцен издевался над возможностями гласности в России в очередной статье «Колокола» от 1 января 1860 года: «Отрезанные от всякой возможности (отвратительным почтовым устройством книжных посылок из России) своевременно получать журналы, мы долго думали, что в России печатаются зажига-тельные воззвания, еретические книги Лютера и ернические сочинения Баркова»^[35]. «Духов-ной барковщиной» обозвал Герцен в 1862 году одну из статей московского митрополита Фила-рета^[36], критика В. И. Аскоченского в 1864 году назвал «Барковым православия»^[37], а статьи «Московских ведомостей» в 1865 году – «барковским сквернословием»^[38].

Баркова усердно читал, очевидно, с 1860-х годов и М. Е. Салтыков-Щедрин, а по некото-рым произведениям можно судить и о его интересе к биографии ставшего легендарным поэта.

В отзыве о нашумевшем романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» (1868) Салты-ков-Щедрин писал: «Попытка узаконить в нашей литературе элемент „срывания цветов удо-вольствия“ не нова и ведет свое начало от Баркова. Сочинения этого достойного писателя, впрочем, для публики неизвестны, хотя мы положительно не понимаем, какое может быть препятствие к обнародованию их после обнародования „Жертвы вечерней“»^[39]. В «Господах Головлевых» увлечение Барковым одного из персонажей становится главенствующей харак-теристикой личности этого персонажа: «Глава семейства Владимир Михайлыч Головлев еще смолоду был известен своим безалаберным и озорным характером <...>. В минуты откоро-венных излияний он хвастался тем, что был другом Баркова и что последний будто бы даже благословил его на одре смерти»^[40]. Это, конечно, выдумка Головлева, поскольку он рож-ден, как можно судить по сюжету, в 1780–1790-х годах, но выдумка простительная, поскольку он является страстным почитателем Баркова: «Часто, во время отлучек Арины Петровны по хозяйству, отец и подросток-сын удалялись в кабинет, украшенный портретом Баркова, читали стихи вольного содержания и судачили...»^[41] В одной из глав повести на званом вечере после ужина представлена «сцена-маскарад», в ходе которой декламируются отрывки из трагедии Н. А. Полевого «Уголино», а девушка подает реплики «из неизданной трагедии Баркова»^[42]. В конце повести предстает видение: Владимир Михайлыч Головлев, дразнящийся языком и цитирующий Баркова.

В опубликованных в следующем году (1876) «Господах Молчалиных» одного из персо-нажей зовут Иван Семенович, он поэт и желает основать собственный журнал: «...у него для первого номера трагедия Баркова в портфёлях хранится <...>»^[43].

В «Старческом горе, или Непредвиденных последствиях заблуждений ума» (1879) один археолог-библиограф сообщает, что ездил летом в Испанию, так как узнал, что «там скрыва-ется собственноручно писанная Барковым и доселе никому не известная трагедия, которую, после долгих и изнурительных поисков, и приобрел, уплатив за нее половину своего имения»^[44]. Затем он штудирует Баркова, а жена жалуется, что «благодаря этому занятию, стало совсем невозможно жить, потому что даже маленькие дети – и те до такой степени пристрастились к сквернословью, что иначе не говорили друг с другом, как тирадами из барковских трагедий»^[45].

Один из персонажей повести «Игрушечного дела людишки» (1880) – кукольный мастер Изуверов устраивает представление, в ходе которого кукла-барышня подает кукле «Лакомке» книжку: «<...> на обертке присланной книжки было изображено: „Сочинения Баркова. В уни-верситетской типографии. Печатано с разрешения Управы Благочиния“»^[46].

Наконец, в первой редакции четвертого из «Писем к тетеньке» (1880), иронизируя по поводу нравственного уровня современного общества, Салтыков-Щедрин пишет: «Да выло-

жите перед Проломленной Головой всю Барковскую преисподнюю – она и тут ни одним мускулом не шевельнет!»^[47]

Впрочем, репутация Баркова как отрицательного героя русской литературы некоторыми смельчаками уже в конце 1850-х – начале 1860-х годов осторожно корректировалась, и делались попытки собрать и даже переиздать хотя бы напечатанные при жизни его «благопристойные» произведения. Н. Сапов обнаружил и подробно проаннотировал одно из оставшихся, впрочем, неизданным такое собрание сочинений Баркова (составлялось в 1858 году и позднее), с вступительным очерком, в котором анонимный автор писал о «вакханалических» стихотворениях Баркова: «Все эти стихотворения до высшей степени циничны; несмотря на то, однако ж, местами в них видны проблески истинного таланта <...>. Заканчивая наш краткий очерк, так небогатый – сознаемся – подробностями жизни этого замечательного человека, мы считаем должным сказать, что нам кажется совершенно непонятным то предубеждение, какое у нас, в России, существует против вакханалических сочинений Баркова»^[48].

Примерно в то же время, в начале 1860-х годов, другой аноним (если не тот же, о котором шла речь выше) объединил в один рукописный том всё, что, по его разумению, принадлежало перу Баркова: «полное собрание эротических, приапических и цинических стихотворений Ивана Семёновича Баркова...»^[49] По мнению составителя, Барков «обессмертил себя в потомстве стихами, помещенными в сем сборнике». Отмечая, что «Стихи Баркова, конечно, дышат свободой и раздражаются похабщиной», составитель между тем отметил: «...и до Баркова другие литературы содержали уже в себе многое подобное стихам этого поэта, а о прозе и говорить нечего». Среди таких предшественников нашего поэта названы Анакреон, Катулл, Овидий, Петроний, уже упомянутый Бантыш-Каменским Пирон: «В одно время с Барковым жил в Италии тоже знаменитый, а может еще и более, песнопевец интересных сонетов, мадригалов и канцон – Георгий Баффо, который и действительно далеко превзошел Баркова бойкостью стиха, юмором, смелой философией и сатирой над распутством современного ему общества, в особенности католического духовенства»^[50].

Этими двумя попытками сочувственного отношения к творчеству и личности Баркова и реализации этого отношения (пусть в виде рукописных сборников) в представлении публике литературного наследия писателя ограничиваются наши сведения о более или менее положительной (или ироничной) интенции по его адресу.

Превалировало иное.

В предисловии к первому посмертному переизданию прижизненных публикаций сочинений Баркова анонимный составитель писал: «Едва ли найдется в истории литературы пример такого полного падения, нравственного и литературного, какое представляет И. С. Барков, один из даровитейших современников Ломоносова». В его произведениях «<...> нет ни художественных, ни философских претензий. Это просто кабацкое сквернословие, сплетенное в стихи: сквернословие для сквернословия. Это хвастовство цинизма своей грязью. Этим наиболее известен Барков»^[51]. По мнению автора предисловия, подобные произведения Баркова интересуют только «полуграмотных любителей, заучивающих наизусть все произведения подобного рода, уже потому одному, что оне запрещенные»^[52].

Последним в XIX веке высказался о личности и произведениях Баркова филолог и библиограф С. А. Венгеров. В составленном им «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (1891) он дал, как сейчас сказали бы, «взвешенную» оценку творчеству писателя: «<...> в 60-х годах прошлого столетия так владели стихом только два-три человека»; «<...> что по стихотворной технике он уступал только Ломоносову и Сумарокову – это несомненно. Главное достоинство Баркова – простота речи, качество, достигшее полного развития, увы, только в непечатных произведениях его»^[53]; при этом: «<...> подавляющее большинство

из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия ^[54], где вся соль заключается в том, что всякая вещь называется по имени...» ^[55]

Итог литературной и нравственной репутации Баркова в XIX веке подвел филолог, философ Е. А. Бобров: «Имя Ивана Семеновича Баркова невольно вызывает в историке русской литературы грустное чувство. Один из даровитейших современников Ломоносова, Барков и свое дарование, и отличное знание русского языка (язык его переводов поражает своей чистотой и мало устарел даже в течение полутора столетий) разменял на писание стихотворных мерзостей, циничных до последнего предела, которые самую фамилию Баркова сделали именем нарицательным и неудобно упоминаемым» ^[56].

С этим клеймом «неудобно упоминаемого» Барков и пришел в следующий век – двадцатый.

Нельзя сказать, что в новом веке эта репутация существенно откорректировалась, но, как ни удивительно, в идеологически строго регламентированное советское время были несколько коротких всплесков – середина 1920-х – середина 1930-х годов; середина 1960-х – середина 1970-х годов ^[57], – когда серьезный академический интерес к биографии и творчеству Баркова реализовывался без уничижительных эмоционально негативных характеристик писателя. В значительной степени благодаря таким исследованиям и публикациям оказывается возможным реконструировать биографию и творческий путь Баркова.

2

Иван Семенович Барков (в делопроизводственных документах, касающихся Баркова, его фамилия иногда писалась: Борков) родился в 1732 году ^[58], по-видимому, в Сестрорецке, где жил с сестрой и отцом (в документах канцелярии Академии наук отмечены его поездки к родственникам в Сестрорецк) ^[59]. Он был сыном дьячка ^[60] и по семейной традиции в 1743 или 1744 году поступил в духовную семинарию при Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге (Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию). В 1744 году в ней учились семьдесят четыре воспитанника и были следующие классы: богословский, философский, риторический, пиитический и грамматический ^[61]. 24 июля 1747 года при Академии наук был учрежден Университет, и поскольку преподавание в нем должно было вестись на латыни, то в него первоначально было решено набрать тридцать подготовленных в латыни воспитанников из Александро-Невской и Новгородской семинарий и Московской академии. Только весной 1748 года затянувшийся набор студентов наконец завершился зачислением – по разным источникам – двадцати или двадцати трех человек. Первоначально из Александро-Невской семинарии были отобраны для сдачи экзаменов десять семинаристов, но выдержали конкурс только пятеро, а в конце концов зачислены были четверо, и среди них Барков. Причем Барков оказался в Университете не без приключений.

М. В. Ломоносов, закончивший к началу апреля отбор студентов из воспитанников Александро-Невской семинарии, доносил 26 апреля 1748 года в канцелярию Академии наук:

«1. Сего Апреля 24 дня приходил ко мне из Александроневской Семинарии ученик Иван Борков и объявил, что он во время учиненного мною и господином профессором Брауном экзамена в семинарии не был и что он весьма желает быть студентом при Академии наук, и для того просил меня, чтобы я его экзаменовал. 2. И по его желанию говорил я с ним по латине и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорския лекции разуметь может. При экзамене сказан был он от учителей больным ^[62]. 3. При том объявил он, что учится в школе пиитике, и что он попов сын от роду имеет 16 лет ^[63], а от вступления в семинарию пятый

год, и в стихарь не посвящен^[64]. И ежели канцелярия Академии наук заблагорассудит его с прочими семинаристами в Академию потребовать, то я уповаю, что он в науках от других отменить себя может. О сем доносит профессор Михайла Ломоносов.

Подано апреля 28 дня 1748 года»^[65].

Об окончательном решении по поводу зачисления всех претендентов узнаём из резолюции Академической канцелярии от 27 мая 1748 года: «Минувшего апреля 7 числа сего 748 году поданным в канцелярию академии наук репортом от профессоров Ломоносова и Броуна объявлено: по указам де Ея И. В., присланным к ним из канцелярии академии наук, выбраны ими из александроневской семинарии учеников студенты в академический университет пять человек, а именно: Андрей Малоземов, Наум Киндереv, Степан Румовской, Иван Лосовиков, Фаддей Томаринский. А того-же апреля 26 числа помянутый же профессор Ломоносов поданным к канцелярию академическую доношением объявил: из помянутой де семинарии, сверх показанных пяти человек, экзаминовал он ученика-ж Ивана Баркова, который де имеет острое понятие и можно де с прочими его из семинарии той требовать. И сего мая 10 числа из оной семинарии по требованию вышеобъявленные ученики, шесть человек, в академию присланы и в собрании экзаминованы, из которых удобнейшими для академии оказались только четыре человека, а именно: Степан Румовской, Иван Лосовиков, Фаддей Томаринской и вышеписанный Иван Барков, кои при академии и оставлены, а Андрей Малоземов и Наум Киндереv отпущены попрежнему в реченную семинарию. Того ради определено: показанных четырех человек написать в академический список и обучаться им некоторое время в гимназии, ибо оные от профессоров принимать лекции не гораздо еще в хорошем состоянии, о чем гимназии господину ректору и профессору Фишеру послать ордер. А жалованья им производить по три рубли по пятидесяти копеек на месяц, из положенной суммы на академических учеников, которое начать сего мая от десятого числа и производить оное по прошествии каждого месяца, записывая в расход с росписками, о чем к расходу послать указ»^[66].

Студенты были размещены в общежитии в доме баронов Строгановых близ стрелки Васильевского острова, тут же были лекционные аудитории^[67]. Каждому полагалась казенная одежда: зеленый кафтан, шляпа, шпага с португеей; помимо того, выдавались камзол, двое штанов, сапоги, башмаки, чулки^[68]. О замене быстро ветшавшей на молодых плечах одежды начальство не позаботилось, поэтому через год студенты подали прошение: «<...> данный нам мундир весьма обветшал и изорвался»; «<...> что отчасу дале в большую бедность и оскудение приходим в вышеобъявленном мундире, так, что и рубашки на плечах ни у кого не остается»^[69]. Прощение осталось без ответа.

Для университетских студентов была педантично разработана иерархия наказаний – всего десять разрядов (эта многоуровневая система лучше всего характеризует их повседневное поведение): 1) за ослушание начальства подавался рапорт в канцелярию, которая решала дальнейшую судьбу нарушителя, а до тех пор он находился под караулом; 2) за непослушание ректору студент помещался на две недели в карцер на хлеб и воду; адьюнкту – на одну неделю; 3) за ослушание профессоров – неделя карцера; учителей – три дня; 4) за обиду товарища словом – один день карцера; за обиду рукой (то есть драку) – рапорт в канцелярию; 5) за пьянство: за первый раз – неделя карцера; за второй – две недели; за третий – рапорт в канцелярию; 6) за выход из общежития без разрешения ректора или адьюнкта: за первый раз – карцер (срок на усмотрение ректора); за второй – вдвое дольше; за третий – рапорт в канцелярию; 7) если студент не ночевал в общежитии: за первый раз – неделя карцера; за второй – две недели; за третий – рапорт в канцелярию; 8) за пропуск лекций: на первый раз – серый кафтан на неделю; на второй – то же самое на две недели; на третий – на три недели и т. д.; 9) за невыученный урок: на первый раз – серый кафтан на день; на второй – на два дня; на третий – на три дня и т. д.; 10) за кражу – рапорт в канцелярию, а до назначения канцелярией наказания – под

караул ^[70]. Разумеется, это не отвращало студентов от разнообразных проказ, и они, как сказано в одном из донесений в академическую канцелярию, «по ночам гуляют и пьянствуют, и в подозрительные дома ходят, и оттого опасные болезни получают» ^[71]; дошло до того, что для умирения двадцати студентов в апреле 1749 года были запрошены шесть-восемь солдат ^[72].

Занятия в Университете начались 16 мая ^[73]. В конце года успехи Баркова в разных изучавшихся им науках были следующими: «2. Господин профессор Рихман в математических своих лекциях имел слушателями всех на жаловании содержащихся и вольных студентов. <... > Худо при нем учились: Терентьев, Барков, Лосовиков, Яремский и Фрязин, которым, по его, господина профессора мнению, надлежит еще в практике арифметической гораздо быть обученными, пока до прочих математических наук допущены будут. 3. Господин профессор Тредьяковский объявил, что к нему в лекции ходили следующие студенты, которых он по их прилежности и понятию, что до латинского штиля и до элоквенции надлежит, разделил на три класса... <Барков здесь оказался в среднем классе. – В. С.>. 4. Господин профессор Крузиус при своих лекциях, которые до толкования древних латинских авторов касаются, лучших почитает из студентов Котельникова, Яремского, Софронова, Барсова, Боркова... 5. Господин профессор Фишер толкует, по его объявлению, историю ветхаго завета, содержащую восемь частей, из которых он две первые к концу привел, а потом историю новаго завета начнет. К нему в лекции ходят все новоприсланные студенты <...>; следующие либо негодны к историческим наукам, либо рано к оным допущены, а именно: Фрязин, Борков, Лосовиков, Клементьев и Козляницкий» ^[74].

По первым нескольким месяцам учебы еще, разумеется, преждевременно было судить о перспективах того или иного ученика, но нельзя не заметить, что Барков более всего преуспел именно в том, за что недавно отметил будущего студента экзаменовавший его Ломоносов: в «латинском штиле и элоквенции» (то есть красноречии) и толковании древних латинских авторов – латынь была коньком Баркова. Из донесения профессора Ф. Мюллера, поданного еще через год, 6 октября 1749 года, известно, что Барков (вместе с несколькими другими студентами) желал усовершенствоваться именно в этой области: «В прошлом 748 году апреля 26 и августа 2-го дня писано от меня в поданных академической канцелярии доношениях, между прочим, о недостатках некоторых университетских студентов в латинском языке и в других школьных науках; о том же и в аттестатах господ профессоров, после первого университетского экзамена в канцелярию от меня поданных, упомянуто. Ныне же некоторые из оных студентов, а именно: Иван Елисеев, Иван Борков, Иван Лосовиков, Фадей Охтенский, Федор Соколов, Адриан Дубровский, Василий Клементьев, Степан Румовский, Борис Волков, Игнатей Терентьев, меня просили, дабы иметь старание об обучении их вышеписанным наукам. – Того ради за потребно я разсудил прежния мои предложения повторить, в которых я представил, что необходимо нужно при гимназии учредить верхний класс, ректорский, в котором такие студенты вместе с учениками в гимназии обучены быть должны. А пока сие не сделается, чтоб кого назначить из профессоров, который бы грамматическия и риторическия правила им толковал и задавал компоновать им разныя до штиля и до оратории касающияся экзерциции и оныя экзерциции поправлял бы с обстоятельным изъяснением, понеже без такого основания все труды их в вышних науках будут втуне и академии в предосуждение» ^[75]. Ректор Фишер не откликнулся на просьбу учащихся, но Барков, вероятно, и без того успешно совершенствовался в латинском языке – тот же Ф. Мюллер, докладывая 12 февраля 1750 года о состоявшемся незадолго до того студенческом экзамене, о Баркове сообщил следующее: «... 25. Иван Борков – несколько показал успеху в арифметике, а в других математических науках не столько; также и философии не много учился. Он объявляет, что от большей части трудился в чтении латинских авторов и между оными Саллюстия, которого перевел по русски войну Катилионову; понятия не худова, но долго лежал болен и кажется, что острота его от оной

болезни еще нечто претерпевает»^[76]. Это был первый самостоятельный переводческий труд Баркова, свидетельствующий о сформировавшемся у него серьезном интересе к латинской истории и намерении заниматься переводческим трудом^[77]. Что до упомянутой болезни, то предполагается, что она была связана с переживаниями Баркова по поводу смерти отца^[78].

В те же дни, 17 февраля 1750 года, были подведены итоги и «нравам и понятиям студентов» – инспектор И. Фишер докладывал в канцелярию Академии наук: «23. Иван Борков – средних обычаев, но больше склонен к худым делам»^[79]. Чтобы по достоинству оценить эту лаконичную характеристику, полезно сравнить ее с данным в том же документе пространными характеристиками других студентов: Павел Введенский «не глуп, но пьяница, и за пьянство сидел несколько раз в карцере»; Левонтей Соловьев «человек грубый и не очень умен. Иногда ночью со двора без спросу ходит и по нечестным домам волочитя. Некогда не устыдился привести к себе на квартиру нечестных женщин и о сем я известившись, приказал согнать женщин со двора. На сие он осердившись, меня ругал и убить грозил»; Назар Герасимов «человек тупой, глупый, гордый и наушник, иногда и пьянствует, а в пьянстве никому не спускает, как товарищей, так и командиров бранит и ругает»; Григорий Павинский «с лица можно почесть его за добронравного человека, но ошибаются которые знаки на лице почитают за довольные к познанию человека. В пьянство так сильно вдался, что трудно его от того отвратить. Весьма опасно попасться ему в руки пьяному и бешеному; хватается иногда за нож или за другое, что в сердце ему не попадетя, чем всякаго, кто ни попадетя, хотя не убьет, но устрашает»; Егор Павинский «меньшой брат прежняго, но злыми делами его превосходит. Он в пьянстве не разсуждает о честности, славе, благодеении, пристойности, а напившись, как человек не смирный и суровый, дерзостно и нагло поступает. Он человек упрямого нраву и не усмиряется науками, к которым склонности не имеет. Оба за пьянство и за наглость сидели несколько раз в карцере, для исправления, но напрасно»; Иосиф Полидорский «неразлучный товарищ Егора Павинского и участник злых его дел, за что канцелярия сажала его в карцер не однажды»^[80]. Очевидно, что, по крайней мере в приведенном контексте, Барков характеризуется почти невинно. Ниже последует еще немало сведений о провинностях Баркова и о наказаниях за них; важно только принимать во внимание, – для того здесь и приведен обширный контекст характеристик сотоварищей Баркова по Университету, – что его «чудачества» или «буйства» не были исключительным свойством его личности: таковы были обыкновенные нравы университетского студенчества.

Список прегрешений Баркова не замедлит последовать.

Из протокола канцелярии Академии наук от 23 марта 1751 года явствует: «Его высокографское сиятельство Академии наук г-н президент, слушав поданного в канцелярию Академии Наук от профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которым представлено: сего месяца 10 числа видел он некоторых студентов во время службы Божией шатающихся по улицам, которые из университета в церковь отпущены были, за то приказал он посадить их в карцер, и из того числа Иван Барков ушел из университета без позволения, пришел к нему, Крашенинникову, в дом, с крайнею наглостию и невежеством, учинил ему прегрубые и предосадные выговоры с угрозами, будто он его напрасно штрафует, а наконец, сказав, что он рад сидеть в карцере, токмо он писать на него будет, и хлопнув дверью так, что она отворилась настезь, ушел; и тою наглостию не удовольствовавшись, бегал он по некоторым из г-д профессоров, и клеветал на него, г-на профессора, и на своих товарищей. И ежели сей поступок отпущен ему будет без штрафа, то другим подастся повод к бóльшим наглостям, а карцер и серый кафтан, чем они штрафуются, ни мало их от того не удерживает. И в рассуждении онаго представления, что оные студенты от такого штрафа сажанием в карцер и надеванием серого кафтана ни мало от худых поступков воздерживаются, изволил приказать: показанного студента Баркова за такую учиненную им продерзость, в страх другим, при собрании всех

студентов, высечь розгами; да и впредь, ежели кто из оных студентов явится в таких же худых поступках, оных по тому же наказывать розгами, кто бы какого возраста не был. О наказании же помянутого студента Баркова к вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордер, в котором написать, чтоб он впредь о являющихся в продерзостях, достойных таковому наказанию, студентах представлял канцелярии, отколе о учинении того наказания посылать ордера, а без ведома канцелярии никого тем штрафом не наказывать»^[81]. Это был, как видно, психологически тяжелый период в жизни Баркова: провинность следовала за провинностью. 1 апреля «...отлучившись из Академии, он возвратился в нетрезвом виде и произвел такой шум, что для усмирения его товарищи принуждены были позвать состоявшего в Академии для охранения порядка прапорщика Галла. Барков, сопротивляясь ему, „сказал за собою слово и дело“, почему взят был „под караул“ и отправлен в Тайную Канцелярию розыскных дел. 15 апреля он был возвращен оттуда и снова принят в академический университет с таким объявлением, что хотя он Барков за то подлежал жестокому наказанию, но в рассуждении его молодых лет и в чаянии, что те свои худые поступки он добрыми в науках успехами заслуживать будет, от того наказания освобожден; а ежели впредь он Барков явится в пьянстве или в худых каких поступках, тогда жестоко наказан и отослан будет в матросскую службу вечно»^[82].

Из этого документа, как и последующих, очевидно, что Баркова, несмотря на его поступки, ценили как подающего надежды талантливому студента: как здесь, так и впредь его будут журить или даже наказывать, но в конце концов всегда предоставлять возможность тех или иных (весьма ответственных) занятий при Академии наук.

Так случилось и «буйной» для Баркова весной 1751 года. Не вняв предыдущему предупреждению, он снова провинился и 25 мая исключен из числа студентов и состоял в типографии учеником наборного дела, с содержанием по два рубля в месяц; но канцелярия, «усмотря его молодые лета и ожидая, не будет ли от него впредь какого плода, назначила ему обучаться российскому штилю у проф. Крашенинникова, и языкам французскому и немецкому, и только по окончании учебных часов приходить в типографию, при чем корректору Барсову поручено было наблюдать, чтобы он не впал в прежние непорядки, и доносить о его занятиях и поведении ежемесячно»^[83]. Таким образом, Баркова попросту освободили от занятий теми предметами, которых он не любил и в которых не успевал, предоставив возможность заниматься любимым делом – изучением языков, да еще, сверх того, осваивать процесс подготовки книг к изданию.

В июле 1751 года корректор типографии А. С. Барсов, которому было поручено руководить Барковым и сообщать о его поведении, доносил, что «<...> оный Барков находится в трезвом уме и состоянии и о прежних своих продерзостях сильно сожалеет и поступает тихо, смиренно и кротко и притом послушен и к делу прилежен»^[84]. Надо полагать, обилие положительных эпитетов в донесении Барсова о поведении Баркова соответствовало его истинному образу жизни в это время, а не было лишь товарищеской вырубкой.

Осенью академическая канцелярия подтвердила дозволение Баркову продолжить изучение французского и немецкого языков и «русского штиля», мотивируя всё теми же молодыми его летами «и не может ли быть от него впредь какого плода»^[85], и для этих занятий ему были выданы грамматики – немецкая и французская^[86]. По-видимому, он делал успехи и на службе в типографии: 29 мая 1752 года его назначили уже помощником корректора Барсова (вероятно, помимо благонравного поведения, были отмечены и его успехи по части освоения «русского штиля»).

Между тем 10 ноября 1752 года Барков был «за пьянство и ссору в ночное время вместе с двумя академическими мастеровыми <гравировальными учениками. – В. С.> наказан розгами»^[87], но продолжал работать помощником корректора.

Положение Баркова изменилось весной следующего года.

2 марта 1753 года он направил в канцелярию Академии наук следующее прошение: «<... > 1. Прошлого, 1752 года, Маия 29 числа определен я нижайший к находящемуся в типографии корректору Алексею Барсову для вспоможения ему в поправлении корректур и для записи у него бумаги и прочих материалов, понеже за множеством положенных на него Барсова дел, а имянно, что надлежит до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, также и для посторонних его случающихся дел, как то переводу ведомостей и иных, без вспоможения оному одному исправиться было трудно. 2. А минувшаго февраля м<еся>ца 5 числа сего 1753 года по резолюции Канцелярии Академии Наук помянутый корректор Алексей Барсов от должности, касающейся до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, уволен, и оная препоручена определенным для тех дел особым людям г<оспо>д<и>ну инспектору Томилину и наборщику Ивану Ильину, и следовательно он ныне оставлен токмо при исправлении корректорской должности и над типографскими служителями смотрение имеет, что он без труда и без помощи моей исправлять может. 3. И тако я нижайший в типографии впредь имею находиться праздно, ибо как объявлено мною, для помянутых обстоятельств и умаления дел легко может и без помощи моей оной корректор Барсов справляться. 4. А желаю я нижайший принять на себя должность бывшего при ассессоре и унтер библиотекаре г<оспо>д<и>не Тауберте канцеляриста Ульяна Калмыкова, которую я свободно отправлять могу, хотя от типографии освобожден и не буду. 5. А понеже в убогом моем нынешнем состоянии определенным мне жалованьем, которого годовой оклад состоит токмо в тридцати шести рублях ^[88], содержать себя никоим образом почти не можно, ибо как пищею и платьем, так и квартиры нанять чем не имею.

Того ради прошу Канцелярию Академии Наук, дабы соблаговолено было меня нижайшего на помянутого бывшего канцеляриста Калмыкова место определить и притом к окладу моего жалованья прибавить по благоизобретению Канцелярии Академии Наук, и о сем моем прошении решение учинить.

1753 года, Марта дня.

К сему прошению ученик Иван Борков руку приложил» ^[89].

Явное стремление Баркова оказаться в повседневной службе ближе к книгам не было уважено: его перевели из типографии не в библиотеку, а в канцелярию Академии наук «впредь до усмотрения», для переписки набело, с обещанием прибавки жалованья, «ежели он свои худые поступки оставит» ^[90], и хоть «худые поступки» не оставил, а снова провинился, тем не менее был не только прощен, но и получил посуленную ему прибавку жалованья. Об этом свидетельствует нижеследующий документ от 30 марта: «Понеже ученик Иван Борков за дерзости ево <а он, очевидно, вознегодовал на то, что его недавняя просьба не была принята во внимание. – В. С. > содержится при Канцелярии под караулом, а ныне он в виностях своих признается и впредь обещает поступать добропорядочно, да и Канцеляриею он усмотрен против прежнего исправнее, того ради, да и для наступающего праздника С<вя>тыя Пасхи, из под караула его свободить, однако быть ему при делах в Канцелярии и для переписки ученических пиес в звании копииста и к производимому ево нынешнему жалованью к 36-ти рублям прибавить ему еще четырнатцать рублей и тако имеет он получать в год по пятидесяти рублей; и оное прибавочное жалованье начать производить будущаго апреля с перваго числа; а ежели он Борков впредь наилучшим образом себя в делах и поступках окажет, то имеет ожидать как прибавки жалованья, так и произведения; а в противном случае непременно отослан будет в матрозскую вечную службу; чего ради ему объявить сие с подпискою.

Подлинной за подписанием Советника г<оспо>д<и>на Шумахера за скрепою Секретаря Ханина.

Марта 30 дня 1753 года» ^[91].

Таким образом, можно в очередной раз подивиться снисхождению к Баркову академического начальства и пытаться объяснить это, по-видимому, особенными профессиональными достоинствами, которые сумели заметить и оценить в Баркове решавшие его судьбу профессора (не просто и не только чиновники) [92].

В какой-то месяц 1754 года Барков очередной раз был наказан батогами «за его пьянство и дерзкое поведение» [93], а 15 апреля того же 1754 года очередной раз попытался переменить свои служебные занятия – очевидно утомившую его работу переписчика чужих бумаг: «В Канцелярию Академии Наук Всепокорное доношение.

Доносит оной же Академии Копеист Иван Барков о нижеследующем:

1. Уведомился я именованный, что полученною сего апреля из г<осу>д<а>р<с>твенной Адмиралтейской Коллегии промемориею требуется в типографию морского шляхетного кадетского корпуса справщик, который бы знал российскую грамматику и по латине;

2. А понеже я в рассуждении знания объявленных в той промемории грамматики и латинского языка особливую имею к оной должности способность, тако ж и к типографскому поведению нарочито уже приобык, упражнявшись в касающихся к тому делах, наипаче же во исправлении корректур более, нежели полтора года;

3. Того ради, да и для претерпленной мною весьма немалой бедности, в коей почти целые три года обращался, всепокорнейше Канцелярию Академии Наук прошу, дабы в порадование мое и во облегчение от оной не лишить меня в сем случае высокой милости, удостоить к определению в помянутую должность, а паче что сим способом малые труды мои в науках втуне остаться не могут, но и сверх того чувствуя толь чрезвычайную милость и пользуясь, елико возможно, приобретенными от Академии плодами учения с непременною благодарностию, по всеподданнической моей рабской должности, о многолетнем здравии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВЫ молитв Бога неусыпно буду, к тому ж и высокую честь и славу Академии ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА по всей моей возможности наблюдать и прославлять долженствую;

4. Что ж касается до моего исправления в житии, то не довольно еще кажется, чтоб нынешнее мое гораздо исправнейшее против прежнего состояние могло быть о честных моих поступках доказательством, но непременно во всю мою жизнь стараться не премину, дабы и всегда оказывать себя таким, какому надлежит быть трезвому, честному и постоянному человеку.

Апреля „“ дня 1754 год<у>.

К сему доношению копеист Иван Барков руку приложил» [94].

Канцелярия Академии наук в очередной раз отказала Баркову в попытке избежать роли вечного переписчика («копеиста») чужих бумаг и дел и заняться всерьез любимыми русским и латинским языками и книгами: «...быть ему впредь об нем до усмотрения при писме всяких дел, а чтоб он таковыми доношениями часто Канцелярию не утруждал, сию резолюцию объявить ему с подпискою» [95]. Не учинил ли Барков именно вследствие этого очередного отказа в своей просьбе то «пьянство и дерзкое поведение», за которое он был «наказан батогами» (см. выше)?

Наконец через год происходит знаменательное событие: 13 февраля 1755 года канцелярия Академии наук выделяет Ломоносову для помощи в переписке его трудов копииста Ивана Баркова [96] – Ломоносов в это время закончил «Опыт описания владения первых великих князей российских»; с этого времени Барков начал работать в доме Ломоносова [97] и практически не расставался с ученым и поэтом до самой его кончины в 1765 году. Впрочем, можно предполагать, что уже не раз отмеченной и проявленной во многих документах снисходительности академического начальства к своим проступкам Барков еще до начала непосредственной работы у Ломоносова был обязан его покровительству: вспомним, что Ломоносов не только

согласился проэкзаменовать опоздавшего к приемным экзаменам Баркова, но и дал высокий отзыв о его способностях и ходатайствовал о зачислении студентом Университета. Таким образом, не менее десяти лет (а вероятно, и более того) Баркова и Ломоносова связывали совместные труды и, по-видимому, взаимная симпатия.

Примерно в это время имя Баркова становится известным среди интересующихся литературой и у самих писателей.

Находившийся в 1850-е годы в Москве, но регулярно получавший информацию обо всем, происходившем в Петербурге, историк Я. Штелин вспоминал: «Около этого времени, именно в 1753 г., являлись в Москве различные остроумные и колкие сатиры, написанные прекрасными стихами, на глупости новейших русских поэтов под вымышленными именами (Autore Barcovio, satyro nato)»^[98]. И далее: «Барков <...> сделался известным своими острыми сатирами на необразованных новых стихотворцев»^[99]. Вполне вероятно, что Штелин имел в виду «Сатиру на употребляющих французские слова в русских разговорах» и еще более задорно-полемическую «Сатиру на Самохвала». Последняя явилась откликом на опубликованную в вышедших в 1752 году в «Сочинениях и переводах» Тредиаковского басню «Самохвал». Тредиаковский, задетый претензиями Ломоносова на первенство во введении в отечественную поэтическую практику тонического стихосложения, заносчиво оспаривал свое первенство. Ломоносов в полемику не включился. Зато на вызов ответил Барков: вступившись за своего университетского учителя (и покровителя?) он утрированным языком Тредиаковского – другого университетского преподавателя – высмеял его неумеренные притязания. По-видимому, кроме названных, были и еще какие-то сатирические произведения «на глупости новейших стихотворцев», не дошедшие до нас или неопознанные в качестве таковых. Вполне вероятно, что в те же годы (1752–1753) появилась и одна из знаменитейших и безусловно атрибутируемых Баркову ода «Приапу» – датировка Штелиным времени появления первых произведений под именем Баркова совпадает с пометой при одном из рукописных списков оды «Приапу»: «Списано с оригинала 1752 года»^[100].

Таким образом, Барков стал помощником Ломоносова, уже не просто проявив свой поэтический талант и темперамент, но и продемонстрировав, на чьей стороне и в каком качестве этот темперамент готов впредь проявляться.

Нельзя не обратить внимание и на еще одно обстоятельство. Многочисленные парафразы или прямые цитаты из Ломоносова в произведениях Баркова все взяты из произведений поэта, созданных в достаточно локальный хронологический период, а именно в 1746–1751 годах: «Ода 1746 года», «Ода 1747 года», «Переложение псалма 145», «Ода 1748 года», «Тамира и Селим», «Ода на взятие Хотина» (у Баркова это оды: «Турову дню», «Приапу», «Описание утренней зари» – всего около десяти подобных произведений). Невозможно утверждать навверное, но и не исключено, что эти произведения Баркова тоже созданы в период около середины 1750-х годов, ко времени назначения Баркова помощником Ломоносова, и сыграли свою роль в этом назначении: использование Барковым произведений Ломоносова в своих одах не было обидным для его учителя; отмеченное «терпимое отношение к ним самого Ломоносова»^[101] объясняется тем, что Барков в своих сочинениях этого рода использовал «классическую оду ломоносовского стиля»^[102], не уничтожая ее существо, но лишь гротескно снижая, что было своеобразной поэтической игрой, но не издевкой над образцом.

Итак, с конца зимы 1755 года Барков становится помощником и сотрудником Ломоносова в его трудах и сначала переписывает его труд по истории России (см. выше), а затем «Российскую грамматику»: «Потребно мне на переписку Российской грамматики, сочиненной г. советником и профессором Ломоносовым, – обращается он 12 сентября 1755 года в канцелярию Академии наук, – шесть дестей голландской писчей бумаги. Того ради сим репортую, чтоб повелено было оное число бумаги мне выдать 1755 года, сентября 12 дня»^[103], а после окон-

чания этой работы принимается за подготовку для сдачи в типографию второго тома «Сочинений» Ломоносова.

За талантливого переписчика шла борьба – его хотели удалить от Ломоносова и вернуть в академическую канцелярию, но, надо полагать, Ломоносов его отстоял, о чем узнаём из очередного документа, составленного в канцелярии 9 февраля следующего 1756 года: «Генваря 29 дня Конференции секретарь и проф. Миллер доношением объявил, определенной де при Конференции копиист Иван Барков находится беспрестанно для письма у г<оспо>д<и>на сов<етника> и проф<ессора> Ломоносова, а при Конференции ежедневно случаются дела, для которых российский копиист необходимо надобен, и требовал, чтоб копииста Баркова возвратить на прежнее место, или определить вместо его кого друга, искусного писца, дабы в настоящих делах не было остановки; приказали: копииста Баркова оставить при советнике г<оспо>д<и>не Ломоносове, ибо он, Барков, переписывает у него сочиненную им, г<оспо>д<и>ном Ломоносовым, „Российскую грамматику“, а вместо ево в Конференцию для переписки ученых дел и прочаго определить находящагося при библиотеке копииста Семена Корелина»^[104]. Безусловно, переписка и «Российской грамматики», и очередного тома «Сочинений» Ломоносова была для Баркова не менее блестящей школой русского языка, нежели соответствующие университетские курсы.

Другой фундаментальной школой – уже по изучению древней российской истории – была в течение нескольких лет работа Баркова над перепиской для Ломоносова «Повести временных лет» – летописи, составленной древнерусским писателем XI – начала XII века, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Эту работу Барков начал в апреле 1756 года^[105], в октябре – декабре закончил переписывание сделанной в свое время по указу Петра I копии с так называемого Радзивилловского списка летописи^[106] (во время посещения Кенигсберга, где хранился список летописи, Петр I приказал снять с него копию, которую переправили в Петербург), а в октябре 1758 – мае 1759 года, когда из Кенигсберга в Петербург доставили тамошний список летописи Нестора, делает сличение и правку петровской копии по тексту подлинной Кенигсбергской. «Вся правка сделана рукою И. Баркова, который имел непосредственное отношение к работе над летописью Нестора: по указаниям Ломоносова он вносил поправки и исправления в петровскую копию Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи, вписывал карандашом варианты и примечания <...>»^[107].

Между тем в 1756–1757 годах Барков в очередной раз вступил в литературную полемику, возникшую вокруг имени Ломоносова. Поводом послужил ломоносовский «Гимн бороде» – стихотворный памфлет, направленный Ломоносовым против деятельности Синода, который запрещал публикации сочинений на естественно-научные темы (в частности, был запрещен перевод философской поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке»), а придворный проповедник епископ Гедеон (Г. А. Криновский) выступил в печати с критикой научных теорий Ломоносова. «Гимн бороде» Ломоносова широко распространялся в списках и вызвал многочисленные критические и сочувственные отклики. Среди последних был и барковский текст «Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь...», который очередной раз демонстрировал Ломоносову острый ум и преданность его ученика.

Впрочем, Барков был постоянен и в другом: «за пьянство и неправильности» в январе 1757 года он был отстранен от ведения письменных дел президента Академии наук К. Г. Разумовского, которыми занимался одновременно с работой для Ломоносова^[108] (а в 1758 году на несколько недель исчез из Академии и не появлялся на службе, так что его даже пришлось разыскивать через полицию^[109]).

Наряду с деятельностью копииста (которая, в случае с летописью Нестора, была отнюдь не формальной, но в своем роде творческой), Барков занимался и переводческой работой: в 1758 году он перевел и подготовил к изданию книгу «Переводы с латынского и шведского

языков: Случившийся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса 12 шведского» (издана посмертно в 1786 году с опечаткой в инициалах переводчика: «Переведено трудами С. И. Баркова») – это были преимущественно образцы ораторского искусства любимых им древнеримских авторов.

Болезни, как и прежде, его не оставляли. 2 мая 1761 года, извиняясь перед академическим историком Г. Ф. Миллером, Барков сообщал: «Я весьма глазами болен, и для того порученное мне от вас дело сам отнести не могу, в чем нижайше прошу ваше высокоблагородие меня извинить. При сем приемлю смелость напомнить вашему высокоблагородию, чтоб оставшуюся черную тетрадь, есть ли отищутся, сочинение мною краткой Российской истории мне пожаловать возвратить, ибо я друга оригинала не имею, а намерен оную продолжать далее. Впрочем с глубочайшим почтением моим пребуду вашего высокоблагородия Милостивого г<осу>д<а>ря всепокорный слуга студент Иван Барков» ^[110]. В этом письме примечательна подпись: «студент» – Барков к тому времени уже ровно тринадцать лет пребывал в этом звании!

Между тем занятия его были отнюдь не студенческого уровня.

Начатую им осенью работу над «Краткой российской историей» он, как явствует из письма, давал на прочтение авторитетному собирателю соответствующих исторических документов Г. Миллеру и, вероятно, пользовался его консультациями. В октябре 1762 года это сочинение в вопросо-ответной форме вышло в свет в качестве приложения к изданию: «Гилмара Кураса Сокращенная универсальная история содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащагося юношества». 22 октября по резолюции канцелярии Академии наук велено было «... переводчику Баркову за сочинение им Сокращенной Российской истории выдать двадцать экземпляров книгами или деньгами» ^[111]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.